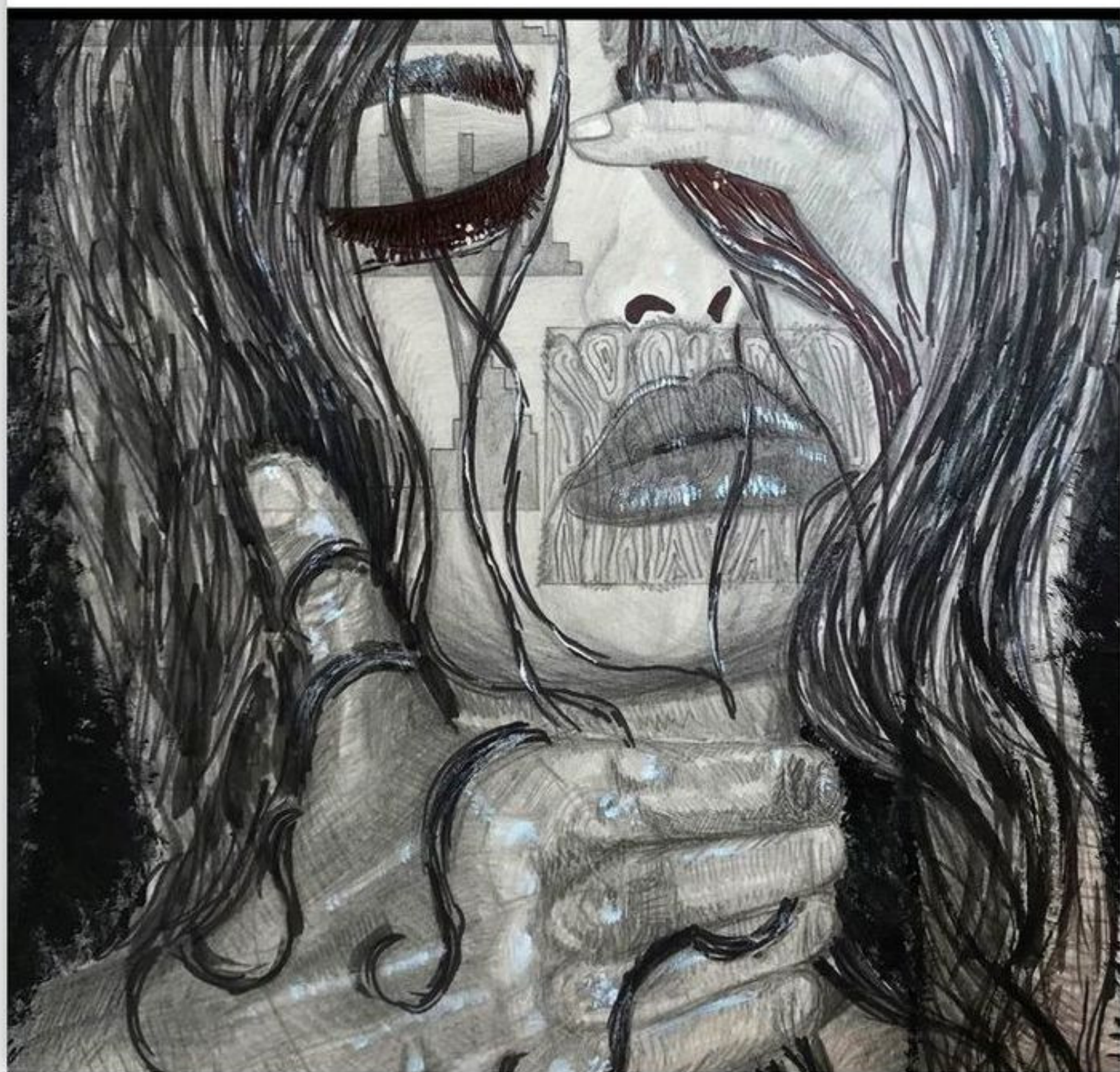

18+

VEGA NOVA

Pink Project

Vega Nova
Pink Project

«Издательские решения»

Nova V.

Pink Project / V. Nova — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513943-6

Эта книга — конструктор твоих эмоций, страхов и чувств. Путь с ней откроет тебе себя в новом свете. Никаких хеппи-эндов, вульгарности и обыденности. Ты знаешь еще не все о себе и об этом скучном мире, не все двери еще были тобой открыты, не все замки взломаны, не все круги пройдены. Оглядываясь назад, посмотри вперед. Если ты все еще не понимаешь, что это одно и то же, добро пожаловать в путешествие, длиною в одну книгу или в одну жизнь. Ведь только ты решаешь, как распоряжаться своим временем.

ISBN 978-5-00-513943-6

© Nova V.

© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
ПРОЛОГ	7
30 ЛЕТ	8
ПРАЗДНИК ЛИЦЕМЕРИЯ	11
НАДЕЖДА	13
СПУСТИТЬ ВНУТРЕННИХ ПСОВ	15
СПУСТИТЬ КУРОК	16
ВСТРЕЧА С ПОКОЙНИКОМ	18
УСКОЛЬЗНУВШАЯ РЕАЛЬНОСТЬ	19
ТЕРЕЗА	20
ЦВЕТЫ	23
СКАЗКА О ПОТЕРЯННОМ ВРЕМЕНИ	25
ИТОГ	27
МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ	29
ВОСПОМИНАНИЯ	32
ОБРЕТШИЕ ИСТИНУ	34
ИМЯ	35
ПРЕДАТЕЛЬСТВО	37
СМЕРТЬ – ЭТО ВЕЛИЧАЙШАЯ ИЛЛЮЗИЯ	39
ДЖЕКПОТ	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Pink Project

Vega Nova

© Vega Nova, 2020

ISBN 978-5-0051-3943-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Обратным к верному утверждению является ложное утверждение. Однако обратным великой истины может оказаться другая великая истина».

Нильс Хенрик Давид Бор

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОЛОГ

Если ты когда-нибудь подумаешь о суициде... не спеши.

Возможно, ты знаешь еще не все о себе и об этом скучном мире. И не все двери еще были тобой открыты, не все замки взломаны, не все круги пройдены.

Оглядываясь назад, посмотри вперед. И если ты все еще не понимаешь, что это одно и то же, тогда добро пожаловать в путешествие.

Это путешествие может быть длиною в одну книгу, или в одну жизнь. Ведь только ты решаешь, как распоряжаться своим временем.

30 ЛЕТ

Мы все рождаемся одинаковыми. Одинаково счастливыми, одинаково красивыми и удачливыми. И у каждого из нас есть выбор. Кто-то находит способы прожить свою жизнь, ничем не отличаясь от других. Кто-то пускает жизнь под откос и тонет в своих же жалобах. Кто-то достигает больших целей. Эти люди отличаются друг от друга лишь умением сделать выбор – пойти по легкому пути или прокладывать этот путь самостоятельно через тернии повседневной серости. Мы рождаемся чистыми, как лист бумаги, свежими, как первая трава весной, и мы способны сделать и реализовать все, что захотим. Вопрос в том, чего мы хотим и для чего. Перед нами открыты любые возможности и очень часто, рассчитывая на бесконечный запас времени отведенного нам для жизни, мы упускаем все самое главное. Мы упускаем шансы и откладываем свои мечты, забываем зачем нам нужны определенные чувства и эмоции, закрываем глаза только для того, чтобы спать, и никогда не останавливаемся для того, чтобы просто обдумать или ощутить вкус настоящего момента, который бесследно растворяется в пустоте и никогда не вернется.

Мы жалеем? Мы жалеем самих себя, жалеем бабулю, просящую милостыню в подземке, жалеем соседку-алкоголичку с тремя детьми... и мы находим на это время. Но мы никогда не найдем времени на то, чтобы это изменить. Мы можем бесконечно помогать, таскать пакеты с едой для троих детей соседки, давать копейки бездомному на хлеб, заниматься творчеством и саморазвитием, но в конечном итоге ЭТО так и умрет вместе с нами. Большое ли количество из нас готовы расчитаться своей жизнью во имя чего-либо прекрасного и светлого, зато какое огромное количество людей готовы сопереживать и печально качать головой, разводить бессильно руками и уповать на свою крохотность и невозможность в одиночку перевернуть весь мир... Помощь, сочувствие, доброта – этого так по-нищенски мало для того, чтобы расхлебать всю грязь, которую мы уже позволили себе допустить. Начинать с малого настолько же бесполезно, как и пить чайной ложкой Тихий океан, пытаясь его осушить. И с этого момента, с момента осознания своей бесполезности, начинается эта книга.

С момента осознания собственной бесполезности начинается парадокс – у нас нет и никогда не было никакого выбора. Это пустые обещания невидимой и никогда не позволяющей наступить себя надежды. Надежды, которая никогда не существовала. Это был обман. Для того, чтобы создать видимость какой-либо цели и двигать нас вперед.

Люди совсем забавны, так как умеют жить, не задумываясь и не понимая для чего, умеют просто скользить по песчаной дюне вниз, не догадываясь даже, что же ожидает внизу, в конце падения, для чего конкретно нужно было это падение, и почему именно сейчас и здесь...

Запах горелой резины полностью туманил сознание. Глаза прожигал дым. Невозможность сдвинуться с места, как и невозможность оставаться здесь, вызывала раздражение. Было темно, но благодаря горящим завалам можно было смутно разглядеть общие черты происходящего. Например, то, что живых людей поблизости не осталось, также то, что прятаться больше нигде, кроме того полуразваленного клочка кирпичной стены, за которым он сидел. Кирпичи были горячими и шершавыми, грязными, закопченными – чем-то напоминали его состояние души и разума. Он еще раз заставил себя взглянуть вниз и вперед на свои ноги. Вариантов не оставалось. Он сорвал с себя рубашку, разорвал ее на полосы и кое-как туго перетянул колени. Возможно, это его последние часы, так как он больше не в состоянии сдвинуться с места. С болью он уже успел свыкнуться, ведь здесь он провел уже достаточное количество времени. Укрытие было ненадежным и не защитит его в следующий раз. Вряд ли кто-то сможет его здесь найти. Мысли путались, он потерял много крови. Но сознание еще оставалось при нем, и он лихорадочно пытался что-то придумать, найти способ выжить, бороться до последнего. Паника и желание жить глушили адекватное в данной ситуации осознание безысходности.

Он боялся выползти из укрытия, так как этот кирпичный закоулок был единственным, как ему казалось безопасным местом, во всяком случае создавал такое ощущение и успокаивал. Да и ползти было бы адски больно, невозможно было вообще шевелиться. Чтобы выжить у него был один шанс на миллион, и он до иступления хотел его заполучить. Он молился... Он не знал зачем и что это сможет изменить, но он не хотел прощаться и допускать даже мысль об этом. Он хватал горячий воздух ртом и растрескавшимися губами снова и снова повторял молитву, в горле першило, гарь и смрад от горячей резины и пластмассы просто душили, по лбу стекали струи пота, он сидел в лужи собственной крови, но он не верил, что это конец. До безумия хотелось пить, пробирала адреналиновая дрожь. Вокруг было тихо. Потрескивали горящие завалы, иногда то, что уже догорело начинало томно посвистывать, тлея. Периодически что-то с грохотом валилось на землю. Он знал, что нельзя закрывать глаза, можно уже не проснуться, а малейший намек на какую-либо помощь со стороны – это его зацепка в борьбе за жизнь. Но ему становилось хуже с каждой минутой, он слабел, рассудок уносился и притуплялся... он закрыл глаза.

Ворона. Сквозь стук в висках, он услышал карканье. Он пытался вынырнуть из толщи жаркого и липкого сна, и с первых же секунд пробуждения, пожалел об этом. Уже был день. Солнце было высоко и засушило кровь на лице и одежде. Боль была невыносимой, дышать было сложно. Слабость поглотила тело полностью. Он полусидел-полулежал и был абсолютно бездвиген. Кругом возвышались черные тлеющие кучи, дым уже не валил и не душил, но везде стоял вязкий туман, а пепел покрыл все поверхности и с каждым дуновением ветра в воздух подымался серый вихрь. Было пусто и тихо. Он мог разглядеть, где он находится, это была парковка какого-то супермаркета. От самого супермаркета остался кусок стены и кучи тлеющих огрызков. То, что осталось от машин на парковке, валялось на десятки метров в разные стороны, под разорванными кусками металла могли быть и люди. Он надеялся на то, что кто-то мог выжить, но нетронутый толстый слой пепла, после всеобщего пожара, говорил об обратном. Он с трудом мог воспроизвести в памяти хронологию последних событий, но и они не имели никакого значения, учитывая его положение сейчас. Невыносимо было ждать и надеяться, ведь ясность мыслей начала возвращаться, и он понимал, что помощи ждать неоткуда.

Воронье карканье послышалось снова. Нужно было двигаться вперед и действовать. Усилием воли он заставил себя цепляться руками за куски кирпичей и обломки. Безумно хотелось увидеть живых, хотелось кому-то доверить свою жизнь и надеяться на спасение.

Сердце бешено забилося, когда в нескольких метрах он заметил какое-то движение. Глаза слезились и пекли, он протер их пыльными руками и крикнул. Надежда не угасала. Ответа не было. Он ждал.

Крикнул еще раз. Страх одолевал его. Сжигал изнутри. Рвался наружу, как дикая тварь. Он ненавидел себя за эту трусость, за этот страх, за понимание, что он остался здесь один и потерял надежду. Он трус. Он дрожал и плакал. Это было отчаяние. Отчаяние на грани безумия. Он так хотел жить, он так пытался верить, что конца не будет, он не хотел заблуждаться. Сознание туманилось, он чувствовал гул крови в висках, боль уходила, все отодвигалось на второй план, несло мимо него бездумным потоком. Он не принимал свою смерть, хоть она была неизбежной...

Крик не был похож на крик человека, это было животное, инстинкты которого обнажились и взяли верх. Ворона взмахнула крыльями и взмыла вверх, горсть пепла поднялась следом. Из этого иступляющего отчаяния его вырвал детский плач. Детский плач. Тонкий голосок. Здесь и сейчас.

Он открыл глаза. Он сомневался, не верил. Сделав усилие, он оттолкнулся руками и полз вперед. Везде был густой дурманящий пепел, он задыхался, но двигался. Плач стал тише. Он не мог говорить, не мог позвать, не мог больше двигаться, но осознание того, что это могло быть живое существо, мог быть ребенок, не оставляло ему выбора. Еще один рывок. И он увидел

голубые, словно небо, глаза. Их застилала пелена слез и от этого они казались бездонными. Он замер. Это был ребенок. Живой ребенок. Девочка с пухлыми грязными щечками. Она смотрела на него, не моргая, и была напугана. Она перестала плакать. А он лежал напротив ребенка, засыпанного обломками, среди пепла, и осознавал свою ничтожность. У него нет больше сил. Нет ног. Он потерял много крови. Он ничем не может помочь. Им обоим.

ПРАЗДНИК ЛИЦЕМЕРИЯ

Большой круглый стол, за которым собралась вся семья на праздник.

Праздник так же скучен и пуст, как и разговоры давно не видевшихся и отупевших в своих постоянных проблемах гостей. Они обсуждают новые телефоны, работу и великих боссов, соседей, кредиты и коррупцию. Они возмущены качеством и скоростью своей жизни, но не понимают, что их гложет, прежде всего, отсутствие желаний, мечты, эмоций и вдохновения. Похожие на загнанных в клетку зверей, эти люди, считают себя самодостаточными, высококоразвитыми и хвастаются своими достижениями. Каждый из них давно вырыл себе могилу, и, позируя из года в год на счастливую обложку самого себя, все глубже и глубже зарывает себя в землю.

Маленький мальчик пристально смотрит на волосы своей молодой и недавно отдохнувшей на жарком море бабушки. От нее должно пахнуть заботой и пончиками, ну или на худой конец соленой водой и пряностями, но почему четко слышится только запах сырой земли. Она так глубоко повязла в своих прихотях и мучениях, что корни кладбищенских деревьев, обступивших ее невидимую непосвященному глазу могилу, намертво сплелись с ее бронхами. Она кашляет каждые три минуты и уже пятнадцать лет собирается бросить курить, сетуя на тяжелую жизнь и непредвиденные обстоятельства. И даже если сигареты и душат ее, и причиняют несказанный вред ее ослабленному организму, ее жалость к самой себе, сокрытая глубоко в подсознании и приправленная самоуверенным эгоизмом и пафосом, убивает ее во сто крат быстрее, начиная с самого незащищенного органа – ее больной души. Мальчик видит на ее волосах комочки земли, прищуривается и распахивает глаза... Показалось.

Его мать, унылая и маленькая женщина, с давно потухшими глазами, потерявшая надежду, себя и свое мнение, тяжело опустив голову на руки, бесцельно смотрит на бабушку. Бабушка рассказывает о путешествии, как о походе в туалет. Затасканные фразы, перенятые у кого-то эмоции, вырванные из чужих уст слова, одинаковые жесты. Она непременно хочет нравиться. Всем, кто ее окружает. Его мать, еще молодая и свежая, меркнет в сравнении с этим наигранным опытным маскарардом, она сутуло кивает и улыбается, бессильно изображает заинтересованность и все же проигрывает. Проигрывает, потому что не может остановить этот ненужный ей праздник. Проигрывает, потому что не может дать своему сыну пример искренности и любви. Не может прервать ложь и поток негативных и противных обстоятельств, сказывающихся на ее ребенке, пока еще чистом, как лист бумаги, должным образом. Впитывая ложь, с молоком матери, хлебая притворство и ненависть, эгоизм и зависть, ее сын непременно вырастет достойным внуком своей бабушки. И повторит ее манеры и поведение. А может и сам образ жизни. Мать не хочет этого, но слабость одолевает ее, и отпуская на самотек свою жизнь и жизнь своего сына, она обрекает маленького мальчика принять свою ненавистную и гнусную роль.

Отец мальчика очень велик. В основном, по своим размерам. Он заядлый алкоголик, но тщательно это прикрывает интеллигентной манерой отведать дорогих напитков. Он профессиональный лжец. Он лжет сыну, что не может сыграть с ним в футбол, а в этот момент отнимает у какой-нибудь старушки последний хлеб и последний шанс выжить. Он лжет жене, что должен жертвовать собой, чтобы заработать деньги и прокормить семью, а в это время ублажает сочную не слишком совершеннолетнюю шлюху. Он лжет своим клиентам, что обстоятельства сработали против него, а потом с коллегами делит сорванный куш. И наконец, он лжет себе, что это именно то, чего он хотел добиться в жизни. Эта должность, именно этот метраж дома, этот город и эти люди вокруг, но он настолько низок и жалок, что его четырехлетний сын не хочет его объятий и разговоров.

Маленький мальчик не смог бы выразиться именно этими словами, но он, безусловно, чувствует нутро каждого из присутствующих за столом. Он не понимает своих эмоций и не может с ними справиться, но он хочет бороться против этой фальши. Но он очень мал. И не является авторитетом для напыщенных взрослых. Он проигрывает, даже не успев начать свою борьбу. Как и его мать когда-то проиграла. Как и его бабушка, возможно тоже. Когда была рождена такой же чистой, как белый лист. Как и его отец, который поддался лени и слабости, утратил силу воли и позволил лжи пропитать его до кончиков пальцев. Они все сделали свой выбор. И поддались течению безжалостной жизни, которая бьет и крушит, словно шторм на море, манит в ядовито-сладкие объятия и крепко смыкает толщу своей зловонной воды над головами.

Они все утопленники. Утопленники по собственному желанию, не желающие бороться и осознавать свою слабость. Безвольные, поддавшиеся соблазну и силе обстоятельств, не желающие нести ответственность за свою жизнь, но дающие начало другим жизням. Они рабы условий жизни, их круг давно замкнулся, не оставив и следа от их свободы.

Мальчик тоже потеряет свой дар видеть обман. Он вырастет, и его чувства остынут навсегда. Эмоции будут отрепетированы, и так же наиграны. Останется только тоска. Тоска по искренности и решимости. Тоска по любви и ласке. Но и эта ноющая рана затянется, а чувство боли забудется. Отшлифованное сердце получит непробиваемую броню. Он станет таким же, как и миллионы других мальчиков. Из таких же благополучных семей. И эти мальчики будут продолжать делить этот мир, не понимая, для чего они здесь и что должны оставить после себя.

НАДЕЖДА

Он разбирал обессиленными руками металлические обломки, осторожно перекладывая куски, чтобы не повредить маленькую ручку или ножку. Он шептал и повторял, словно молитву «Тихо, тихо, не бойся, я здесь, я тебя вытащу, потерпи!»

Последний рывок, и девочка обвила руки вокруг его шеи, он подался назад и они вдвоем упали на землю. Она замерла, а из его глаз катились удушающие слезы. Отчаяние захлестнуло его, еще секунду назад он был героем в своих глазах, а теперь осознал, что нечего больше ожидать. Он больше ничего для нее не сделает. Он умрет здесь. К ним не придет помощь и это все происходит сейчас и наяву. Надежды нет, не за что бороться, он не владеет больше ни обстоятельствами, ни собой. Он всегда держал все под контролем, но все это рухнуло в один миг. Иллюзию самоконтроля создавала фальшивая вера в свой образ. Он создал свою внешнюю оболочку настолько прочной, что под ней никому не было видно пустоты внутри. И он сам не видел этого.

Но вот сейчас он осознал себя. Он был никем. Он ничего собой не представлял. У него не было силы воли, энергии бороться, веры. Он шел всю жизнь с закрытыми глазами. И его жизнь была уничтожена. Она не имела больше смысла. Все над чем он трудился, чему посвящал себя, все кто восхищался им – все это было погребено под горами обломков и пепла. Его время вышло. И что же? Он ничего не достиг. О чем он жалел? О пустых годах, о потраченном времени, о существовании лишенном всякого смысла... Он должен был никогда не родиться.

На его грудь легла маленькая детская головка. Девочка закрыла руками глаза и тяжело дышала. Она хотела защититься, спрятаться. Отсутствие понимания происходящего, в связи с отсутствием опыта и сформировавшегося мышления, лишало ее возможности отчаяться. Поэтому она просто боялась. Сначала было очень шумно, все куда-то бежали, она отстала, потерялась, а потом стало темно и больно. Он смотрел на нее и сердце щемило. Он хотел кричать, возможно, его услышат. Но он боялся ее напугать. Его могли слышать не те. Возможно, кто-нибудь ищет выживших. Ищет чтобы убить и зачистить территорию полностью.

Девочка подняла глаза. В этих глазах, ему показалось, больше смысла и искренности, чем во всей его жизни. Ей было года 4, не больше. Она была цела, но очень слаба, как маленькая мышка. Это несправедливо сделали с ней. Никто не имел права отнимать у ребенка дом, семью, счастливое беззаботное детство. В горле застрял ком. Жалость к себе растворилась в безграничном горе этого непонимающего всего происходящего ребенка.

Не было ничего. Только желание двоих людей выжить.

– Ты сможешь встать на ноги?

Девочка кивнула.

– Как тебя зовут?

Она погрузилась и опустила глаза.

– Нам надо где-то спрятаться и поискать людей. Долго мы не протянем сами. Нам нужна помощь. Я не смогу идти. Поэтому мы поиграем в игру. Ложись на землю и ползи рядом со мной, чтобы мы оставались незаметными, пока сами не захотим себя показать. Такие вот прятки.

Он был неловок самому себе, но девочка кивнула еще раз, и они начали двигаться вперед. Преодолевать преграды из обломков ему было трудно. Но надежда и вера в себя начала нарастать.

Они обползли стены бывшего супермаркета и, оглядываясь назад он убедился, что больше выживших нет. Нужно было найти хотя бы временное укрытие и воду, перевязать раны и перевести дух. Сбоку от супермаркета был пустырь, голое поле и деревья вдоль трассы.

За полем виднелись дымящие и совсем недавно жилые маленькие домики. Там можно было бы наткнуться на колодец, а возможно где-то в окрестностях было озеро.

Они ползли по шершавой и терзающей кожу земле вдоль поля. Девочка старалась, личико было серьезное и сосредоточенное. Она была пухлощекая, и это подчеркивало ее детскость, что еще больше не сочеталось с ее сосредоточенным видом. Он удивлялся ее целеустремленности или же просто послушанию. В любом случае, ее воле можно было позавидовать, а усердию поучиться.

Они отдыхали несколько раз, молча, и каждый раз в конце передышки в ее взгляде читался вызов двигаться дальше. Он думал лишь о том, что они смогут выжить. Им уже представился этот шанс. Если они живы, когда остальные умерли, значит, им больше ничего не грозит. Это и была очередная иллюзия, но именно с нее началось заполнение его внутренней пустоты.

СПУСТИТЬ ВНУТРЕННИХ ПСОВ

Он достал сигарету и подкурил. Вспоминал свое детство. Позади было шумно, и только здесь можно было укрыться и перевести дыхание. Он подумал о матери. О ней никто никогда не думал, пока она была жива. Отец незаметно и беспристрастно воровал ее красоту и спокойствие, пока она не выдохлась. Ее родители, жесткие, как колючая проволока вокруг старой тюрьмы, только ставили нескончаемые требования и ультиматумы, что также не прибавляло ей здоровья. А он был ребенком, избалованным и капризным, не осознающим ни себя, ни последствия.

В ту ночь, когда он отшил глупую шлюху, и прятался от бесцельного вливания алкоголя в кругу друзей и коллег, на балконе, выкуривая одну за другой, мысли о матери застали его врасплох. Мать наверняка не желала бы ему такой жизни. Он столько дней, часов, секунд потратил бесцельно, он шел вперед по головам, но не знал для чего. Он трудился, не спал по ночам, срывался на работу за час до нового года, он покупал машины, женщин, менял квартиры, завел детей, которых не мог полюбить, потому что почти никогда их не видел, лелеял разбитое сердце, но он не понимал для чего все это.

Хотелось сбежать, но было некуда. Ведь это его жизнь. Глупо бежать куда-то из своего дома, со своего праздника. Мать всегда желала ему добра, была с ним откровенна и искренна. Но также была ему наглядным примером, что происходит с мягкотелыми желторотиками, как их швыряет жестокая жизнь, и затягивает в водоворот грязи из реальности и быта. Его научили жить, как бойцовского пса, кидаться на возможности, разрывать конкурентов и слабаков, безразлично смотреть на старость, немощность, не тратить время даром, каждую секунду самоутверждаться, не проявлять чувств, так как они побуждают к неповиновению стандартам, правилам, имиджу, времени.

Он отмахнулся от мыслей о матери. В конце концов она сама была виновата, она не хотела жить по правилам, она не следовала словам отца, она была будто бы в секте умников, которые специально делают из себя жертв и уповают на это. Секта белых ворон, которые считают весь мир дерьмом, деньги – гнилью и ждут просветления, где-то дальше пределов человеческого сознания.

Он винил свою мать в том, что она его оставила, что она не научила его любить, потому что знала, что он никогда не будет такой, как она. Она не научила его верить в себя, потому что никогда не верила в то, во что верил он. Она не одобряла его увлечений, его образ жизни, работу, семью. Она была не создана быть его матерью и любить его.

Женщина, которую он любил, а любил он только однажды, была словно копией его матери. Он словно хотел завоевать материнскую любовь, наверстать упущенное счастливое детство, испытать искренние чувства, узнать, что такое верность и преданность, научиться уважению, забыть про себя и узнать мир другого человека. Но она не пустила его. Не подпустила ближе своего тела и улыбки. словно он был бойцовским псом, слюнявым и грязным, а она нимфой, которая боится испачкать об него белое летящее платье.

Это была последняя ночь. Последняя ночь в его жизни. Это были его последние мысли. Он обвинял их всех. И ненавидел. Но острее всего он ощущал боль за самого себя. Непростительно для них. Он пересек черту. Черту страха и обиды. Он не прощался ни с кем.

Утром прохожие обнаружили на асфальте тело Чарльза Уимбера – 29 летнего успешного предпринимателя и примерного семьянина, отца двоих детей. Друзья не хватились его искать. А супруга отдыхала с детьми в коттеджном городке. На фото в интервью, после его смерти, у нее были заплаканные глаза, но она пыталась улыбаться журналистам.

СПУСТИТЬ КУРОК

Большие черные наушники, с длинной историей. Длинный провод, переломанный в нескольких местах. Она не смотрела на прохожих, сидя на балконе, она смотрела вглубь себя. Она не искала ответов, она ждала вопросов. Но они не появлялись. Ей необходимо было разобратся, но она не могла начать – связь с собой была утеряна, каждая мысль, словно ей уже не принадлежала, и была выдумана кем-то другим и ей навязана. Она была пуста. Или наоборот слишком наполнена мутным раствором чужих мнений, стремлений и жалоб. Было утро, тихое и свежее, город только просыпался, а она уже была измучена и переломана, как провод наушников – в нескольких местах. Чай остыл. Наглый толстый кот, дремал у нее на коленях и отлежал ей ноги. Стоило поднять себя отвести на кухню, согнать ленивое животное, заварить кофе, вызывающий тошноту и спешить на работу.

Она была худой и сухой. Острые колени, тонкие руки, ни намек на грудь. Ломкие черные волосы придавали ей харизмы. Она была как бумажная кукла, нарисованная маркером. Тонкие черты лица, большой подбородок. Высокая и грубоватая, потухшие светлые глаза, но она распускала волосы, и мужчины оборачивались ей в след.

Кофе выливался на плиту и шипел, а она просто стояла и смотрела. Безумно не хотелось спешить куда-либо и двигаться вообще. Она пару мгновений ломала себя и толкала к действию. Голова была настолько пустой, что сложно было понять, где лежат ее вещи.

Ее маленькая квартира, в которой раньше жила ее бабуля, имела не слишком ухоженный вид. Вещи были разбросаны повсюду, невымытые чашки после чая и кофе красовались на каждом столе или полке. Цветы опустили листья прямо на землю – их давно никто не поливал. Свободного места было мало – косметика, журналы, одежда, рисунки, коробки от еды, чертежи – все вместе придавало безобразный вид жилищу. В квартире была одна большая комната, смежная с кухней, и единственным нюансом, который компенсировал все это безобразие и отвлекал внимание от вечного беспорядка, был огромный всегда залитый солнечным светом балкон, вход на который располагался прямо посередине комнаты.

Она сонно бродила по комнате и тщетно пыталась заставить себя быстрее одеваться и соображать. В то утро ей казалось, что все стало бесполезным. Ее существование, ее работа, ее друзья, ее стремления, все это утратило былой вес для нее. Каким это все было никчемным и мелочным, как можно было раньше держаться за что-либо из этого, радоваться каждому дню прожитому вот так? Самое смешное, что все сферы ее жизни, все ее достижения и возможности – это был ее осознанный выбор. И расстаться с Чарльзом был тоже ее выбор. Она не умела делать выбор правильно. Она строила дома, возводила огромные здания, продумывая каждый шаг, но вот свою жизнь построить не могла. После стольких лет полной безнадеги в отношениях, но все же после стольких лет усилий и терпения, она сдалась. Она первая оставила его. И он не растерялся – он завел семью и не слишком горевал. Но он умер три дня назад, и она узнала об этом сегодня утром. Он слетел с крыши отеля, как перышко слетает с ладони. Без возможности вернуться или остановиться. Без мотивов и прощальных писем. Создав свою жизнь и доведя друзей до зависти. Он оставил все позади.

Она не любила его. Но ее сердце похолодело после этого известия. Ее мир словно катился ко всем чертям вот уже несколько лет, а она давила на газ все это время. Огромное множество шансов стояло перед ней, но она сделала неправильный выбор. И теперь жизнь ей не даст шансов все исправить. Жизнь мчится дальше, время упущено и растрчено совсем не на то, что ей нужно. Ей было некуда торопиться и в самом деле. Она закрыла двойные двери балкона, но они уже были закрыты ею прежде, и уже хотела доставать ключи из сумки. Но в голове и в сердце была тупая боль, стесняющая движения и мысли. Она бросила сумку на кухонный стол, села и достала сигарету. Слезы хлынули, но она не в силах была сдерживаться. Сколько

времени прошло с момента ее утреннего кофе, она не знала. Она очень сильно опоздала, и еще пару мгновений за сигаретой ничего не решат. Она прокрутила колесико зажигалки. Глаза начали печь не то от очередного приступа слез, не то от сигаретного дыма, дыхание забило, на несколько секунд она словно пришла в беспамятство и просто сидела в ступоре. Потом зажмурила глаза и заморгала, попыталась смахнуть слезы, но они уже высохли сами. Схватила сумку и выскочила из квартиры, чуть не прищемив между дверями кота.

ВСТРЕЧА С ПОКОЙНИКОМ

Острые колени ловко сгибались при прыжках по ступенькам. Этажом ниже она встретила ворчливого соседа, который к счастью был в приподнятом настроении. Старик мурлыкал мелодию и подергивал обрюзгшими плечами.

– Доброе утречко, Тереза!

– Доброе, – она не собиралась задерживаться и трепаться впустую. На работу она уже слишком сильно опоздала, и ее стремление погрузиться в звучание наушников, дурацкие чертежи и свои мысли поскорее, чтобы абстрагироваться от всего в своем тесном душном офисе, росло с каждой секундой.

– Не правда ли сегодня чудесный денечек?! – старик был на грани разрыва от слез счастья, – Такой необычайный день, такая радость, такая радость...

Старик бормотал и перекрыл ей проход на ступеньки. Он продолжал бормотать про радость, пока Тереза пыталась хотя бы боком пролезть между ним и стеной. Она была уже позади него, когда он дернул ее за плече, тем самым сбив ее с толку окончательно.

– Простите? – она пыталась поставить на место фамильярного старика, доставившего ей дискомфорт.

– Тереза! Ты понимаешь, Клара вернулась! Моя Клара пришла! Она наконец-то опять дома! Я спущусь в сад и нарежу для нее цветов. Ну разве это не чудо? – у старика навернулись слезы и задрожала нижняя губа и подбородок.

Тереза сдержанно улыбнулась и поспешила вниз. Старый сосед совсем спятил. Его жена, с которой они прожили вместе лет 40, умерла два года назад. Очевидно, что пережить эту потерю ему так и не удалось. Очень жаль, что жизнь рано или поздно отнимает у нас людей, которых мы любим. Тех людей, без которых мы своей жизни больше не представляем. И ничего уже нельзя вернуть. Остаются только воспоминания, не всегда счастливые, за которые стыдно или больно, остается шрам, который болит в любом случае, даже если с этим человеком ты счастливо прожил всю жизнь. Ты никогда не будешь готов терять близких. Даже если ты точно знаешь диагноз, даже если свято веришь в какой-нибудь свой вещий сон, даже если понимаешь головой, что наступление старости приближает эту потерю. Но когда ты теряешь любимого человека, расставшись с ним несколько лет назад по своей глупости, когда понимаешь, что он был идеален, молод, здоров и имел еще столько возможностей... Когда ты понимаешь, что все твои мысли о том, что у вас так много времени, чтобы все изменить – теперь лишь глухое давящее эхо в твоей голове, когда твоя жизнь не имеет больше смысла и не хватает сил прокрутить колесико от зажигалки... Когда твоя утрата еще настолько свежа, что будто бы сжигает тебя живьем и ты пытаешься быть сильным и справиться с этим, тогда нужно время – очень-очень много времени, чтобы это принять, а также очень много терзаний, слез и угрызений. Нет, она не сможет это принять и смириться. Старик и тот не смог за 2 года – до сих пор ему мерещиться его Клара. Она тоже сойдет с ума. Но только еще быстрее.

Дверь захлопнулась за ней. На улице было пусто. На проезжей части ни одной спешащей машины. Надежда на такси сразу же умерла. Очевидно, стрелка часов уже приближалась к полудню, и чтобы успеть к ланчу, офисный планктон активно стучал по своим клавиатурам в маленьких комнатюшках. Она еще не выходила из дома так поздно, поэтому ее очень удивило отсутствие людей на улицах.

Добежав до остановки, Тереза подкурила, и слезы опять покатались градом. Лучше было бы остаться дома, но одиночество ее сожрало бы. Поэтому придется усердно прятать слезы ото всех еще много дней и ночей.

УСКОЛЬЗНУВШАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Деревня была опустошена. Дома разрушены, все некогда нужные в быту и жизни вещи были вывернуты наизнанку, выкорчеваны из каждого дома, разбросаны вперемешку с кусками кирпичей и бетонными глыбами стен. А ведь когда-то в каждом доме горел очаг, семья собиралась перед ним в уютных пледах на мягких креслах и вела незатейливые беседы. Их зыбкое счастье было разрушено в одночасье. И больше никогда не повторится. Они вместе переживали беды и проблемы, которые не могут быть важными длительное время в их жизни, но пришла та беда, которая в отличие от остальных осталась с ними навсегда.

В глазах рябило от разнообразия разорванных и помятых вещей, не хотелось всматриваться внимательно, дабы не увидеть то, что могло остаться от самих жителей деревушки.

Мальчик, лежал рядом с ним, и спал. Голубые глаза больше не задавали единственный вопрос, на который не было ответа: «За что?»

За что это происходило с этим ребенком? Почему он выжил и должен был увидеть и пережить это, прочувствовать своей еще не окрепшей психикой эти муки? Ведь он никогда не увидит своих родителей? Даже если они живы, едва ли получится их отыскать.

Он вспомнил свою мать. Всю свою жизнь, с момента осознания себя как личности, он злился на нее. Она не поддерживала его, она была будто бы чужим для него человеком, недостающим звеном в его судьбе. И если сначала, он искал ее, пытался завоевать ее внимание и расположенность, то потом просто с каждым годом становился все злее. Она видела только его сходство с отцом и крепко верила, что отец и сам справится в воспитании сына и становлении его жизненных принципов и приоритетов. Его мать покидала его с каждым днем и отдалялась с застывшей улыбкой на лице. Возможно, если бы не ее бессилие и неспособность поверить в себя саму, он бы стал совершенно другим человеком. Он бы не был грубым и жестоким, и сейчас он бы не ломал себя, держа на оторванных коленях голову спящего мальчугана. Он был бы сочувствующим по жизни, как и его мать, сопереживающим и эмпатичным. Он бы знал, как помогать не только себе. Он бы любил своих детей. Она бы научила его этому. Но сейчас он даже не думал о них. Он никогда не был для них любящим отцом. Он содержал их, кормил, вывозил на прогулки за город, заботился об их здоровье, но никогда не любил. Он поймал себя на мысли, что подобрал этого мальчика в обломках, ради того, чтобы люди нашедшие его – безногого и слабого, сжалились над ним и не оставили его безнадежно умирать. Он был противен сам себе. Даже в этой ситуации он не был искренен. Он врал самому себе. Желание нравиться всем было во сто крат выше, желания нравиться самому себе. Он был лишь пешкой в большой игре чужих мнений. Да и игра была заведомо проигрышной.

Он рассуждал сидя на холодной сырой земле уже несколько часов. Запас его сил, подкрепленный адреналином, постепенно сходил к нулю. Ребенок все еще спал. Но он уже почти не видел его. Глаза закрывались сами собой. Собственное дыхание казалось ему медленным и слишком резким. Он потерял связь с реальностью. Где-то отдаленно он увидел свет. Желтый теплый огонек. Отдаленно с гулким эхом слышались голоса. Слов разобрать он мог, они все слились воедино, как вязкий поток человеческой речи. Он отключался. Голоса были ближе. Ребенок исчез. Свет бил ярким потоком в лицо и он больше не мог держаться. Он закрыл глаза.

ТЕРЕЗА

Он искал ее глаза в толпе каждый день. Он не смог бы перепутать их ни с одними из миллиарда других. Большие голубые глаза. Он уже видел их мельком. Она сидела на ступеньках и жадно ела. В глазах не было ни удовольствия, ни увлеченности. Она будто бы была не здесь. Она будто не видела ничего вокруг. Ее не смущали ни толпы людей вокруг и время для нее как будто бы застыло.

Время. Он тогда ничего не знал о времени. Он вышел из машины и просто смотрел на нее. Время остановилось для него тоже. Но на самом деле оно летело беспощадно. В эти секунды, возможно, родились новые люди. В эти секунды кто-то был счастлив, а кто-то кричал от боли. Время неслось и меняло все. Но не этих двоих людей. Они застыли. И потеряли что-то важное. Он мог бы подойти ближе и узнать ее еще тогда. Но вместо этого он стоял неподвижно, а она встала и не глядя на него ушла. Он искал ее восемь месяцев. Он оглядывался вокруг, но не видел этих глаз. Он забыл, как выглядело ее лицо. Но глаза он отчетливо помнил. Время не спешило – оно мучило его.

Через восемь месяцев он увидел ее снова. Он шел за ней, как верный пес. Она спускалась в метро, острые колени ловко сгибались при прыжках по ступенькам. Он пустился бежать. Он знал, что если он снова упустит момент, времени у них больше не будет.

Он остановил ее, дернув за плечо и полностью сбив с толку. Ей был явно неприятен этот жест.

– Простите? – она смотрела с презрением.

– Как тебя зовут?

– Что?

– Твое имя?

Она увернулась и пошла быстрее прочь. Он снова догнал ее. Голубые глаза были полны злости и негодования.

– Да отвали ты! Что тебе нужно?

– Чашка кофе вместе с тобой. Это займет минут 20 твоего времени.

Несколько часов вместе дали возможность произвести неплохое впечатление. Она спорила с ним и в следующий же момент смеялась. Она закатывала глаза, и разговорам их не было ни конца, ни края.

Было поздно, когда он довез ее до дома. Она быстро попрощалась и выскочила из машины.

Следующие несколько лет были покрыты неким розовым эфиром. Он не помнил себя в них, она обволокла его и унесла в каком-то безумном вихре событий. Она была для него недосыгаема, при этом она говорила обычные вещи, обычным языком, но для него они были неуловимы. Он искал в них скрытый смысл, не находил, а его и не было, он пытался ее раскусить, а она была проста и честна, поэтому вечная погоня за несуществующими реалиями истерзала их отношения.

Она ушла от него, и в этот день эхо их криков не покидало его голову. Шум прошлых дней и ее пьяный смех не оставляли его еще много ночей. Он просыпался один, но все еще чувствовал ее присутствие в своей жизни. Она изменила его полностью. Он не помнил, каким был до нее. Он будто бы заново учился ходить. И постоянно терзал себя. Она не приняла его. Как и его мать. Никогда.

– Тереза... – он шептал, – почему ты не спишь? Расскажи, о чем ты думаешь. Чего ты хочешь. Поделись со мной. У тебя же столько идей, столько мыслей, расскажи, откуда ты их берешь, из чего черпаешь?

Он целовал ее в макушку, а она молчала. А на утро кричала то, чего он никогда не понимал и сердце его сжималось. Она объяснила, что он не слышит ее и ей тесно в этих отношениях и этих стенах. Дверь за ней закрылась. И у него появилось очень много времени. Безграничные минуты, куча дел – раньше у него была она. Сейчас у него было время, но нечем было заполнить его. Он ведь все еще ничего не знал о времени.

Дни растворялись в работе и ненужной чепухе. Он тонул в ненужных ему людях и разговорах, каждая минута с легкостью отодвигалась на второй план, а потом все дальше и дальше, и все события, в конце концов, сжимались, как прессованные кубики мусора. Это все можно было делать с закрытыми глазами и замкнутыми мыслями, а мысли были замкнуты на Терезе. Он помнил мельчайшие детали ее лица и фигуры, все их разговоры казались ему настоящим, а не прошлым. Он проигрывал в своей голове снова и снова их встречи и расплывался в улыбке. Но в один день это все прекратилось. Проснувшись как обычно в самый обычный день, трезвым и чистым, как белый лист – он возненавидел ее. Он обозлился, пытался ее постичь, но она ускользала с каждым днем, не пускала его ни в свое сердце, ни в свои мысли, гнался за ней, преследовал ее, мечтал идти с ней вместе по одному пути, но она отмахивалась парой пустых слов и закрывала перед ним все двери.

Он устал. Он чувствовал себя ничем без нее, потому что с ней он полностью погрузился в ее мир, забыв о своем. Он был отравлен ее образом жизни, ее мечтами, ее делами, ее проблемами. Когда она ушла, он был пуст. Ничто не шло в его руки. Ничто не привлекало его.

Так прошло несколько лет. Он нашел женщину, которая заботилась о нем, но публично. Показывала всем видом и всем вокруг, как она его любит. Их брак никогда не был настоящим, и по тому же принципу он никого не пускал в свою голову. Все было отлично слажено, его жена была прекрасным партнером, но не более. Время уходило впустую. Он не радовался жизни, как и не радовался рождению двоих детей, удачной работе, семейным праздникам, все проходило мимо него. Это была словно не его жизнь. События сочлились сквозь пальцы, а время набирало обороты. Время...

Время шло. Или остановилось. Ему было все равно. Он словно не участвовал в своей же жизни. Он будто бы смотрел со стороны. И не помнил себя. С Терезой он больше не встречался и не искал встреч. Он ненавидел ее. Она напоминала ему мать, он ластился как котенок, но она прогоняла его, словно он был безнадежным калекой, неспособным выжить. Ни капли любви, ни ласкового слова, ни теплых объятий – он был ущербным и гонимым.

Боль сковывала его, делала холоднее. Время не лечило, каждое мгновение всего лишь отдаляло его от прежнего себя. Время беспощадно било и оно уходило. Он закрывался в своем кабинете и слушал тиканье часов, он сходил с ума. За несколько месяцев он увесил все стены своего кабинета различными часами. Маятники тревожно стучали, раз в час доносился бой сразу двадцати механизмов. На столе стояло около десяти маленьких будильников, заведенных на разное время. Он ночевал в кабинете, и они будили его в разное время. Он просыпался, смотрел на каждый циферблат, осознавал, что ничего не изменилось, и засыпал дальше. Он ждал все большего безумия, перестал выходить к детям и жене. Он боялся дня, не разрешал растворить окна. В последние дни он закрылся изнутри, не реагировал на стук и разговоры, и только по шагам можно было определить, что он еще жив.

На самом деле, он умер уже давно. Он не принадлежал себе. Он знал, что жил, но он как камень падал вниз. А внизу была пустота, и она все стремительнее заполняла его, делала тяжелее и ускоряла его падение.

Но в один из вечеров он открыл двери и предстал перед всеми. По его лицу казалось, что он постарел на целую жизнь. Его глаза, некогда горели яркой синевой, но они выцвели и поблекли. Морщины под глазами, обрюзглые скулы, даже осанка осела. Он вышел в зал в идеальном сером костюме, одна рука была в кармане брюк, нижний край пиджака кокетливо поддернут вверх. Он смотрел вниз, его жена стояла прямо перед ним. Они перебросились парой

слов, после чего она обзвонила почти всех его друзей, коллег, партнеров и пригласила на вечеринку у них дома.

Когда настал этот день, Чарльз был веселым и улыбчивым – ничего не предвещало трагедии, которая зрела в его уме уже давно. Он просто вышел из этого круга, из этой жизни. Легко, ведь его ничего не держало. Время шло мимо него, он мог прервать эту череду событий в любой момент.

Страх уже отпустил, не сковывая его тело в оцепенении. Он просто слетел вниз, ничего при этом не чувствуя. Этажи проносились перед глазами, и с каждым мгновением он чувствовал, что уже никогда не будет выше. Дыхание забивало, он больше никогда не найдет себя, не утолит боль, не изменит больше ничего. И в этот момент он обрел время. Он чувствовал каждую секунду, ему были открыты любые возможности, к которым он был слеп, мгновения пронизывали его, и исчезали во мраке. Принятое решение было непоправимо и этажей под ним оставалось так мало. Вот самая большая ловушка жизни. Не иметь возможности изменить что-либо. Не иметь возможности вырваться из своего же тела, освободиться от своего сознания, которое мучило его много месяцев, нагнетая мысли и заставляя отчаяться на последний шаг. Человек, который не давал ему стать счастливым – это он сам. Его трясло, он жадно хватал воздух, он чувствовал жуткий холод, и было неясно это холод снаружи или изнутри.

Он жалел. Но не мог остановить падение. Следующее мгновение... и мрак. Ни боли, ни возможности вынырнуть из глубокой пучины на поверхность. Только мрак.

ЦВЕТЫ

- Где ребенок?
- Это Ваш ребенок?
- Нет, но он был со мной... Мы вместе... вместе... сюда пришли... были здесь вместе...
- Успокойтесь, Вам нужен покой сейчас. С мальчиком все хорошо. Он спит. Мы согрели его и накормили. Отдохните еще. Вы спали всего пару часов.
- Мальчик?
- Вам нужно поспать еще.
- Мальчик...

Чарльз уснул снова. Провалился в вязкое беспмятство. У него был жар, он тяжело дышал, не мог двигаться, несколько раз приходил в себя, но сознание не поддавалось ему, и он опять проваливался в сон. Он слышал, как кто-то смачивал ему губы водой. Вода была ледяная, или у него была очень высокая температура, но его губы и горло словно пронизывало ледяным ножом. Ему казались, какие-то голоса или крики, но веки были тяжелы и неподъемны для него.

Кто-то взял его за руку. Теплые прикосновения разбудили его, он пытался вырваться из своей темноты. Потихоньку приоткрыл глаза. Напротив него сидела девочка лет пяти и держала его за руку. У девочки были большие голубые глаза, и когда он проснулся, возможно, от неожиданности или испуга, ее зрачки сузились, оставив видимой только эту голубую бездну.

Подняться было невозможно. Шея и спина подводила его. Девочка положила вторую руку на середину его груди, давай знак не вставать. Он попытался спросить ее имя, но губы тоже подводили. Она улыбнулась и убежала. Он смотрел ей вслед. Помещение было залито солнечными лучами, но он не видел окон, возможно, сверху была открытая крыша. Рядом не было людей, а солнце светило так ярко, что он не мог разобрать предметы вокруг. Он видел свою руку, очевидно, что он лежал в приподнятом положении. Одеяло, которое плотно кутало его от середины груди, было в коричневых пятнах. Шевелиться он не мог, позвать кого-то тоже, рот не открывался, язык не слушался, он не понимал где он, и откуда взялась голубоглазая девочка. Ее глаза напоминали ему глаза девочки, которую он откопал под завалами.

В один момент память начала возвращаться, он вспомнил череду взрывов, разрушивших город, его дом, который горел на его глазах, а он ничего не мог сделать, потому что больше не владел ногами, военную технику и солдат, панику людей на улице, это жуткий гул, запах гари, машину в которую его засунули кое-как. Была еще женщина, которая всю дорогу оставалась ему кровью, и перетягивала всевозможными жгутами ноги, но не могла справиться с таким серьезным ранением. Женщина плакала, прижимала его лицо к груди, но ее лицо он помнил плохо и не понимал, кто она такая. Потом еще один взрыв, машина осталась позади, а он лежал на земле. Вокруг что-то продолжало греметь, но все отошло на задний план. Потом ребенок... Это была девочка. С круглыми испачканными щеками, растрепанная темноволосая девчонка лет пяти.

Кто-то вошел – он увидел силуэт в конце помещения. Взрослый человек, а следом ребенок. Силуэт приблизился и только когда человек наклонился совсем близко к его лицу, он смог увидеть четко. Это был мужчина средних лет, возможно врач, одежда была светлой, но он видел только размытые очертания.

- Мы рады, что вы проснулись. Как вы себя чувствуете, Чарльз?

Голос был тихим, и каждое слово этот новый человек произносил вкрадчиво и медленно. Но вот речь Чарльза опять подводила, он попытался говорить, но вместо этого начал глотать воздух. Человек сразу же начал его успокаивать.

- Не стоит напрягаться. У Вас совсем нет сил, Вы пробыли в беспмятстве около двух недель. Вам нужно еще набраться терпения, чтобы восстановиться. А пока только покой. Мы

уже и не надеялись на Ваше выздоровление, но, о, чудо, вы проснулись! Мы нашли при Вас документы, мы знаем кто Вы. Я здесь врач, меня зовут Ральф, работал в больнице, теперь присматриваю здесь за всеми. Этот мальчик был с Вами, когда мы подросли. Он не говорит, но за время Вашего пребывания здесь, он успел нам объяснить, что Вы не его отец, и что Вы его спасли.

Рядом с лицом врача, показалось лицо голубоглазого темноволосого мальчишки, он широко улыбался и его зрачки от яркого света были совсем узкими, голубая радужка полностью застилала глаза.

Врач еще что-то рассказывал, но Чарльз разглядывал мальчишку. Круглые щеки, темные коротко стриженные волосы, слегка вьющиеся. Он нашел на завалах девочку. Голубоглазую девочку, с темными вьющимися волосами чуть ниже плеч, щуплую, но круглощековую. Если бы у нее был брат, возможно, это был бы этот мальчик, который стоит рядом с врачом. Он терзал себя этими мыслями, пока вновь не уснул. А когда проснулся, девочка с густыми вьющимися волосами до плеч, улыбалась и сияла ему голубыми глазами. Она сидела на краешке его кровати, а когда поднялась, взяла его за руку и вложила в ладонь стебель большой белой лилии. Еще несколько цветов лежали на одеяле, и стыдливо прикрывали коричневые пятна на ткани.

СКАЗКА О ПОТЕРЯННОМ ВРЕМЕНИ

– Ты представляешь, я слышал, что в некоторых странах переводят время, с летнего на зимнее и наоборот. Это делают в выходные, с субботы на воскресенье, в 4 утра. Т.е. человек спит и вдруг резко становится не 4 часа, а например, 5! Человек неосознанно теряет один час своей жизни! Он мог прожить его как угодно, он мог проснуться и за этот час изменить свою жизнь! А у него его своровали. Подло и беспринципно.

– Чарльз, ну это же глупости... Он наверстает этот час за свой следующий день. Тем более, человек спит, просто спит – он не хочет ничего менять в жизни, иначе он бы сделал это в любое время. А время ведь вообще относительно! – Тереза засмеялась, она была сонной и не понимала, с какой целью Чарльз разбудил ее в 4 утра.

– А если бы это был наш с тобой последний час. Если бы наши пути разошлись, и кто-то из нас уезжал бы ровно в 5 часов утра. Уезжал бы без возможности вернуться, мы бы прощались, тянули бы время, не хотелось бы следить за минутами, ведь мы оба понимали бы, что это конец. И вдруг мы теряем целый час. Мы еще могли бы насладиться целым часом, проведенным вместе, но тут время перевели и все! Вот он твой самолет – уже улетает.

– Ты сейчас это к чему?

– К тому, насколько это важно. Насколько важно следить за временем. За своим временем. А у тебя его отбирают. Крадут целый час. За час можно осуществить дело всей жизни. Можно написать картину. Можно зачать ребенка. Можно сжечь дотла дом. Можно убить человека. Но этого часа у тебя нет. И ему никогда не быть. Это как само собой разумеющееся преднамеренное убийство. У миллионов людей крадут целый час. А люди этого не понимают. Если бы каждый такой человек за один час сделал бы какую-либо мелочь в нужном русле, можно было бы изменить весь мир. Или устроить переворот в стране. Войну, например. А можно было наоборот, разрешить все споры и устроить мир во всем мире.

– Ты с ума сошел, что ли?

– Тереза, это ведь не шутки вовсе. У нас постоянно воруют время. Мы спешим, но стоим в пробках и очередях. Мы ждем. Ждем нового года, нового месяца, важного события, и в тот период мы инертны. Мы просто ждем. В нашей голове какой-либо цели, но переверни это по-другому. Мы ждем бесцельно. Мы не проживаем свою жизнь. Мы ее прожигаем. Мы рождаемся и ждем, пока вырастем, пока нам подарят вот ту игрушку, пока родители уедут за город. Мы ждем, пока начнем работать, пока вырастут дети, и мы не останавливаемся. Мы не смотрим на спящих детей в спокойствии и без спешки, мы не ценим отношения, поступки, мы не успеваем ощутить всю мощь радости или грусти, потому что нам некогда. Мы спешим.

– Чарльз, можно я еще посплю? – Тереза, отвернулась от него на другой бок, волосы упали на лицо. Она дернула на себя одеяло и закрыла глаза, тяжело вздохнув.

Чарльз гладил ее по волосам, ему было так жаль ее. Она не осознавала этой страшной истины. Она жила звонко и весело, но пусто.

– Девочка моя, у нас у всех так мало времени, мы так быстро наполняем свою жизнь красками, но если их подковырнуть, там в самом нутре ведь белый лист. На нем пусто. На нем не остается даже каких-то зарубок или шрамов. Мы уходим, и на этом листе приходит рисовать уже кто-то другой. Каждый рисует своим цветом, и мы все создаем чудесный шедевр, но под слоем краски бумага пуста. Понимаешь, Тереза? Мы можем создать гениальную вещь, и наше имя запомнят на многие века. Но те, кто запомнит тоже уйдут. Бумага все равно пуста. А что такое 500 лет, например, для приближающейся к нам галактики? Это как земная минута по ее масштабам.

Тереза засыпала, ее всегда баюкал его голос. Она могла слушать его часами и думать о своем. Обижаться на него, за то, что он забыл об их годовщине, дуться за предыдущую

поездку в супермаркет, она не принимала его слова слишком близко и могла не вслушиваться, ведь Чарльз не требовал ответов или даже кивков.

– Тереза, это чудовищно и трепетно, что мы совсем не в своем времени живем. Что для нас оно относительно именно так. Я выезжаю на работу в 8 утра, к примеру, а в этом момент во Вселенной взрывается сверхновая. Огромная всепоглощающая, она разрушает все на своем пути. Она умирает и в агонии, забирает с собой все, что находится рядом с ней. Во Вселенной полный хаос, взрыв, бум! Вот прямо сейчас, когда я выхожу на работу. И меняется все. Планеты слетают с орбит, другие звезды меняют свое место расположения или попадают под горячую руку. А я не знаю об этом. И никогда не узнаю, скорее всего. Потому что сверхновая находится в тысяче световых лет от меня. И возможно через тысячу лет кто-то увидит эту вспышку в телескоп, и будет ошеломлен последствиями. А я спокойно поеду на работу сейчас, но уже без сверхновой, которая убьет моих потомков через 1000 лет. И любые мои старания, страдания, радости все равно исчезнут. Их не станет, они растворятся во времени. Ведь все наши цели априори бесцельны и бесперспективны с рождения. О нас все равно забудут, как бы мы не старались оставить свой отпечаток в книгах или умах. И время просто сотрет нас. Нас всех, вне зависимости от нашей выдающести или гениальности.

Чарльз замолчал. Он понимал, что Тереза спит. Он был очарован ею с первого дня встречи, он знал, что в ее голове больше миров, чем во всей Вселенной. Он обижался, что эти миры закрыты от него, и даже иногда она не приподнимает занавес, чтобы подразнить его или увлечь. Она поставила столько стен на пути к своему разуму. И выкопала бездонные рвы вокруг своих крепостей. Он был очарован ею настолько же, насколько сейчас был разочарован в ней. Возможно, именно он и придумал ей все эти миры. Возможно, ее душа была не так глубока, а он просто рисовал бездонные колодцы, выходящие в неизведанные истины. Возможно ведь, что он сам навязал себе мысли об этой захватывающей глубине разума. Просто он был так увлечен и так слеп, так влюблен, что сам придумал себе чудесные иллюзии, сладкий самообман.

Утром ровно в 8 он уехал на работу. А через три месяца они расстались. Он упорно верил в то, что не ошибался на ее счет. Но все отчетливей понимал, что это скорее его надежды, чем ее мысли.

ИТОГ

– Тереза, скажите, сколько времени прошло после Вашей утраты?

– 4 недели.

– Вам сейчас и должно быть тяжело. Не гоните свои эмоции прочь. Вы должны пережить свое горе, преодолеть его, принять и отпустить...

Тереза смотрела в упор на женщину лет 30. Женщина была полной и хорошо сложенной. Аккуратная прическа, маникюр, опрятная одежда, приятный голос, спокойствие и слаженность в движениях и манерах. Работа психотерапевтом приносила ей деньги, не более. Поэтому она говорила отработанными фразами, стандартными наборами слов, подходящими как для ребенка, потерявшего собаку, и наркомана, потерявшего работу, так и для Терезы. Ситуация не была исключительной в своем роде, но все же требовала сочувствия и сопереживания больше, чем могла в принципе выжать из себя эта довольная жизнью и беспристрастная психотерапевт.

Тереза не слушала ее, просто говорила, говорила и говорила. Ей необходимо было даже просто выговориться, не получив при этом ничего в ответ. Психотерапевт был вынужденным шагом, она не справлялась сама. Ее эмоции и чувства занимали слишком много места в ней. Они расширялись с каждым днем и просто начинали сочиться без повода и причины в неподходящие моменты. Эта женщина была лучшим психотерапевтом из худших. И уж точно худшим другом из всех возможных.

По окончании сеанса Тереза встала и без малейшего желания вернуться сюда еще раз, пошла к двери.

– До скорой встречи, Тереза!

– Надеюсь, что нет. Я ведь не кошелек потеряла, а человека.

– Многие после такой утраты отказываются от помощи, но я бы Вам порекомендовала... Дверь закрылась.

В жизни тоже закрылись многие двери.

И продолжать весь этот цирк больше не хотелось. Работа не приносила радости, а стала лишь в тягость. Многие друзья старались избегать общения, так как понимали, что не в силах помочь даже морально – не в силах справиться с чужой болью и отдавать при этом свой положительный настрой.

Этим же вечером в глухом сыром и грязном баре Тереза осталась одна со своими мыслями. Алкоголь не спасал, а лишь поддерживал в ней чувство жизни. Она пила до беспамятства. И то чувство, которое вело ее в свою квартиру и укладывало благополучно на постель, хоть и в позднее, но все же в свое время, и было чувством жизни для нее.

После полуночи она дошла до своего предела. Поднялась со стула, и устало волоча за собой сумку, поплелась на улицу. Сразу возле выхода ее ослепил автомобиль. Она прищурилась и закрыла лицо рукой. И в этот же момент чувство самосохранения не работало – она была слишком пьяна. Удар. Хруст. Звон стекла.

И пустота.

Светлые простыни. Боль в ногах. Гул в голове. Жар. Беспамятство.

– Где ребенок?

– Это Ваш ребенок?

– Нет, но он был со мной... Мы вместе... вместе... сюда пришли... были здесь вместе...

– Успокойтесь, Вам нужен покой сейчас. С девочкой все хорошо. Она спит. Мы согрели ее и накормили. Отдохните еще. Вы спали всего пару часов.

– Девочка?

– Вам нужно поспать еще.

– Девочка...

Тереза снова уснула. Провалилась в беспокойный липкий сон. У нее был жар, она тяжело дышала, не могла двигаться, несколько раз приходила в себя, но сознание не поддавалось ей, и она опять проваливалась в сон. Она слышала, как кто-то смачивал ей губы водой. Вода была ледяная, или у нее была очень высокая температура, но ее губы и горло словно пронизывало ледяным ножом. Ей казались, какие-то голоса или крики, но веки были тяжелы и неподъемны.

Кто-то взял ее за руку. Теплые прикосновения разбудили ее, она пыталась вырваться из своей темноты. Потихоньку приоткрыла глаза. Напротив нее сидела девочка лет пяти и держала ее за руку. У девочки были большие голубые глаза, и когда Тереза проснулась, возможно, от неожиданности или испуга, зрачки девочки сузились, оставив видимой только эту голубую бездну.

Девочка улыбнулась, погладила ее по руке и убежала прочь. И только несколько цветов белой лилии лежали на одеяле, и стыдливо прикрывали коричневые пятна крови на ткани.

МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ

Тереза стояла на остановке и нервно курила. Солнце было высоко. Обеденное время. Автобуса долго не было, изредка проезжала пара-тройка ленивых автомобилей. Пока она уповала на свое горе, город жил своей обыкновенной жизнью. Кто-то нес покупки из супермаркета, кто-то гулял с собакой, пинал тяжелый рюкзак по дороге из школы, разговаривал за рулем.

Люди проживали каждое свое мгновение как обычно. Для кого-то события были радостными – кто-то родился, кто-то получил долгожданную игрушку, кому-то сделали предложение, кто-то провернул выгодную сделку, кто-то впервые поцеловался. Целый мир состоял из миллионов историй, которые пестрили в огромном жизненном круговороте. Как краски на палитре художника, каждая история имела свой цвет. Но сливаясь воедино, как и краски, так и жизни каждого, на палитре оставался коричнево-бурый и совсем непривлекательный цвет. Нет, картина не была похожа на цветовую абстракцию, картина напоминала скорее пустой фон. Ничего не обозначающий, ни к чему не возвышающий, неживой и на что не вдохновляющий цвет лежал ровным тоном, плотным слоем на полотне жизни. Возможно, под огромным микроскопом было вполне реально распознать в отдельном миллиметре чью-то радость, чье-то достижение или гордость, доброту или жестокость. Но на расстоянии вытянутой руки картина жизни была тривиально безжизненна, пуста и нейтральна. Ее глубина и масштабность превосходила в десятки миллионов раз глубину всех обыденных земных переживаний, и смысл любых эмоций просто терялся по сравнению с ее смыслом. Эта картина наполняла каждого из носителей цвета собственным смыслом, но не принимала всеобщего стадного смысла. Она существовала отдельно от своих цветов и их носителей, в то время как цвета были ее собственностью.

Автобус приехал. Усаживаясь удобнее на свободное место, Тереза обратила внимание на соседского мальчугана, бодро шагающего по тротуару со своей собакой. Полгода назад задорного щенка с черно-белой мордахой задавил автомобиль. Мальчик очень печалился. И очевидно родители предельно постарались и нашли практически такого же щенка. Мальчуган проходил мимо окна автобуса и пытался вырвать из пасти собаки игрушку, он смеялся, а в глазах читалась искренняя радость – неподдельное счастье... Сердце Терезы надрывалось, но губы подернулись в улыбке.

Она подумала о смерти. Об образе смерти в представлении множества людей. Об образе в комиксах, соцсетях – длинный черный плащ, капюшон, череп с пустыми черными дырками для глаз. Кто придумал этот стереотип, навязал этот образ? Смерть – это пустота, это не существо, не событие, не трансформация, не переход на другой уровень... Это опустошение. Это пустой ты. Это не способный больше ни на что, обессиленный и безжизненный ты, который больше ничего не изменит ни в своей, ни в чужой жизни. Смерть – это надежды, которые прекратили тлеть, это вера, которая угасла, это любовь, которая стала безразличием. Многие ведь давно мертвы с бьющимся сердцем. Люди ходят на двух ногах и создают в себе среду радости и покоя, любви и ненависти. А на самом деле это не чувства и не эмоции, всего лишь лицемерный налет и дань обществу. Свадьба – все так рады и я тоже. Даже если оказался здесь случайно, даже если не знаком с гостями и молодоженами. Похороны – все плачут и я тоже. Даже если я черствый изнутри, даже если больное сердце, даже если умер злейший враг – злорадоваться ведь нельзя, нужно показывать только те эмоции, которые соответствуют случаю.

Тереза вспомнила, как Чарльз разбудил ее однажды ночью, схватил на руки и вынес на крышу. Луны не было видно за крышами, но вот звезды над головой рисовали четкую полосу Млечного пути. Она пришла в восторг, зрелище было шикарное, эмоции распирали изнутри, романтика захватила ее, она кружилась и пританцовывала. Но вот Чарльз просто отошел в сторону и прислонился к ржавой лестнице. Он опустил голову, он не радовался, он подарил ей возможность увидеть такую красоту, но вот теперь просто удалялся во мрак. Она остановилась

и подошла к нему, спросила, разве не чудесно здесь, что не так, ведь он сам ее сюда привел. Он ответил, что она ничего не понимает. Настроение было испорчено, и Тереза чувствовала, что Чарльз на грани нервного срыва. Его состояние души, настроение, эмоции никак не вписывались в общую атмосферу чудес и романтики. Тереза была в замешательстве. Он не соответствовал ее ожиданиям. Его реакция не соответствовала ее представлениям о столь дивном моменте.

– Чарльз, милый, только что все было хорошо. Что испортило тебе настроение? Что произошло?

– Пойми, что это все ни тебе, ни мне не принадлежит. И пока ты жива, ты всего лишь смотришь на обложку этого мира. Читаешь заголовки и поступаешь так, как поступали миллионы людей для тебя. Ты никто. И я никто.

– Прошу давай не будем сейчас...

– Нет! Ведь глупо радоваться прекрасному моменту. У тебя ведь трагедия! Ты никто! У тебя есть семья? Или это просто люди, которые по стечению обстоятельств, по какому-то мнимому нелогичному принципу совершенно случайно дали тебе жизнь? А если бы твои родители избавились от тебя до рождения? Тебя бы не было. Ты бы не повторилась! Понимаешь? Ты случайный набор хромосом! Ты всего лишь случайный код, шифр, набор! И это случайность, что ты живешь здесь, случайность, что мы встретились, случайность, что любим. Если бы ты жила в другом полушарии, ты бы всю жизнь никого не любила? Ты бы всю жизнь ждала встречи со мной? Ты была бы одна? Или полюбила бы другого? Была бы счастлива с ним, так же, как и со мной? Любовь – это принужденная, навязанная обществом необходимость. Это извращенная форма эгоизма.

Чарльз перевел дыхание.

Тереза плакала.

– Ты была жила по-другому. Жила другой жизнью. И мы не родственные души. И это не чудо любви. Мы просто две случайных комбинации хромосом. Мы живем как бактерии, нам нужно размножаться, чтобы выжить и мы придумали любовь! Надо же! Любовь беречь, ценить, любовь ставить на пьедестал! Да не существует никакой любви. Существует только одно. Я могу с ним продлить род. Я могу пахать всю жизнь на своих детей. Я могу построить своему потомству дом. А как же вера спросишь ты? Тибетские монахи, вознесенные и не скованные материальным телом и миром? Это всего лишь наш самообман. Наш мозг как битое зеркало, понимаешь? Это злая шутка с нами! Зеркало разбито по всей голове, на мелкие и крупные осколки. Смотришь в один крупный кусок, а в мелких – искаженные отголоски. Исковерканное изображение тысячами осколков, как неприкаянное эхо, летит и отражается во всех ракурсах и возвращается обратно. Только уже искореженное. И приносит нам наш же бред – да да! – мы же не можем выйти за рамки нашей фантазии, знаний, основанных на опыте, поэтому мы получаем наше же восприятие, но как нам кажется возвышенное! Нам кажется, что мы приблизились к Богу, нам кажется, что мы постигли истины, что открыли в себе духовные и сакральные просторы. А мы всего лишь...

Чарльз смеялся. Тер воспалившиеся красные глаза, тремор век и рук изводил его.

– Мы всего лишь боимся вымереть. Мы инкубатор для себя подобных. Мы боимся смерти. Мы боимся уходить и цепляемся за жизнь. Знаешь, что для нас важно? Смерть. Мы все умрем. Очень скоро. Потому что мы никто. Пыль. А знаешь, что вечно? Знаешь, что является действительно стабильным явлением? Что является постоянной величиной? Что имеет смысл, цель и важность? И что приносит нам смерть, как обнуление наших никчемных жизней? Время... А мы даже не понимаем что это и зачем. Мы его тратим, хоть оно не наше. У времени есть мы, но у нас его нет. У нас ничего нет. И когда приходит время уходить, мы хотим еще немного времени. Но зачем? Еще чуток потратить и прожечь, еще не все, еще надо закончить бесцельные дела? Зачем? Зачем мы здесь? Сколько времени мы уже здесь? Сколько

кругов? В скольких реальностях? Как выглядит время? Это цепочка? А может быть, я живу в пятнадцати реальностях и в одной из них я только что сеганул с крыши? И в ней я умираю. А в этой живу. И в той у меня другая жизнь, а в этой я помню только эту конкретную жизнь?

– Чарльз, хватит, детка, пойдем спать.

Тереза подошла к нему поближе, но он отступил назад.

– Ну, хватит, Чарльз, у тебя навязчивая идея. Нужно идти в дом, становиться холодно, ты весь продрог.

Он молчал. Тереза хотела взять его за руку, но он резко отдернул руку и прижал к губам. Он смотрел ей прямо в глаза. Его глаза были особенно голубыми под сиянием звезд. Он отвел взгляд, и, сделав еще пару шагов назад, оказался на самом краю крыши, держась за хлипкую ограду.

Тереза завопила:

– Чарльз, отойди немедленно! Ты что творишь?!

Она дернулась к нему всем телом, но движением руки он дал ей понять, что этого делать не стоит, а потом вкрадчиво и тихо заговорил:

– Стой на месте. Чему ты радовалась сегодня, когда я принес тебя сюда? Ты никто, ты ничего не значишь, ты ничего не изменишь, ни на что не влияешь. Так чему ты радовалась, если должна была расстроиться? Звездам? Ты радовалась звездам? У тебя действительно трагедия, ты рождена на бесцельное существование и ловишь кайф от жизни при виде звезд? Ты, как и все. Ты пустая. У тебя нет лица. И когда придет время, ты будешь ждать череп в капюшоне, а на самом деле увидишь себя. Увидишь свои глаза. Увидишь себя, как ты есть на самом деле. Ты будешь разочарована.

Он просто перегнулся через ограду. Секунда дела. Тереза не успела понять, что это произошло. Его не стало на этой крыше уже за одну секунду. Она кинулась в его сторону. Он лежал шестью этажами ниже на асфальте.

А пятью этажами выше в одночасье забили все собранные Чарльзом за год часы. Было ровно три.

ВОСПОМИНАНИЯ

Седые волосы растрепывал ветер. Тереза шла. Это была узкая парковая дорожка. Молодая пара, проходящая мимо, держалась за руки. Дети пробежали мимо и издавали звуки, похожие на стрельбу из автомата. Парень в наушниках выгуливал щенка с черно-белой мордахой. Тереза смотрела на себя. На ту себя, которая была когда-то раньше. Она смотрела сквозь призму воспоминаний на свои длинные густые черные волосы. Слегка посеклись на концах, неровно лежат у макушки. Светлые глаза еще больше выцвели с тех пор. Она была молчалива и одинока, но когда-то у нее было много друзей, много развлечений.

Она смотрела на себя прошлую сейчас сквозь густую непроглядную память, сквозь безликие и бессмысленные воспоминания. Она смотрела вглубь себя. Она искала свои мысли и взгляды такими, какими они были раньше. Невозможно быть человеком без воспоминаний. Она отчетливо всю жизнь чувствовала в те моменты, когда ей плохо, что через год она вряд ли вспомнит, почему именно сегодня так тяжело. Она уже сейчас есть в будущем времени, точно так же как и в настоящем. Ее жизнь уже прожита за нее, и прожита ею же.

Ногам плохо давалась ходьба. Исхудавшие в край колени подкашивались, тело переставало слушаться и отказывалось поддаваться с каждым днем все больше. Но она возвращалась мысленно на 10, 30 лет назад и понимала, что это ведь тоже была она. Она была другая. Совершенно чужая для себя сейчас. Выглядела иначе. Говорила другие вещи. Это была старость.

Каким бы сейчас был Чарльз? Как бы он сейчас на нее смотрел? Был ли он прав в тех безумных вещах, которые говорил?

Тереза сильно похудела за последний год. Время искалечило ее. Время... Его нельзя удержать, вернуть, нельзя управлять им. Ты можешь только управлять собой и подстраиваться под него. Ты можешь подарить кому-то свое время. И этот подарок поистине бесценен. Ведь покупая золотые часы, ты легко устроишься на работу и получишь деньги на еще одни золотые часы. Рисуя картину в подарок, ты легко сможешь воспроизвести ее на холсте еще раз. Но если ты отдал свое время, ты не сможешь его вернуть или повторить. Ты отдал человеку кусок своей жизни. Не всегда мы четко выбираем людей, которым можем делать такие дорогие подарки.

А если ты отнял у человека время по неосмысленности? Поставил человеку такие условия, в которых ему пришлось бы потратить всего лишь 15 минут своего времени впустую? Например, на просмотр рекламы, во время своего любимого сериала. И это был бы не один человек, а миллион? И вот из-за тебя потрачено не просто 15 минут, а 15 миллионов минут. Ты об этом не догадываешься и для каждого конкретного человека – это пустяк. Но в общей сложности это 30 лет. Это полжизни обычного человека. И время не раскладывается на привычные минуты, оно выходит за рамки обычного восприятия, превосходит наше воображение своей многогранностью.

Время растягивается во все стороны. Необязательно тянется в длину твоей жизни, оно может выходить и за рамки твоей реальности, и возвращаться совсем в других интерпретациях. Тереза была седая и вот достаточно мгновения лишь, – она уже бежит босоногая и заплетенные мамой косички стучат по пухлым щекам. А ведь тогда она была такой же живой, как и сейчас. И тогда ее настоящий момент был таким же истинным, как и сейчас, когда седые волосы покрывают плечи.

В каждый момент своей жизни Тереза держалась за себя, за свои страхи и боль, как за последнюю рваную шапку или воротник, лишая себя выбора и свободы воли. Она держалась за себя, эгоистичную и немногослойную, она хотела менять мир вокруг, упуская тот факт, что она и есть этот мир, а целиком увидеть мир ей просто не дано за пеленой своего самолюбия. Если бы у нее сейчас было бы три минуты на изменение своих мыслей и действий в своей же голове, но у себя тридцатилетней... Кто-то ведь ворует 30 лет жизни у миллионов человек.

Тереза закрыла глаза. Она чувствовала ветер, чувствовала его прикосновения, но не могла увидеть его. Она чувствовала время, но также не видела его. 30 лет чужой жизни. Она должна было попытаться уйти вовремя. Уйти без остатка и без возможности прожить свою жизнь еще раз.

Тереза, как и парочка, гуляющая рука об руку, как и паренек с собакой, как и играющие дети, всего лишь часть этого бессознательного мира. Растворяются судьбы в суете дней, растворяются люди в телефонных книгах, растворяются чувства в ночной или предрассветной темноте. Она хотела все отпустить и просто раствориться. Сквозь нее проходили поезда, переливались океаны через край, по проводам бежало электричество. Она была свободна. Она отпустила все свои решения, предрассудки, желания, мечты, обиды. Она освободилась от самой себя. Перестала наконец-то себе принадлежать. Земля ушла из-под ног, но она не падала. Когда-то Чарльз предлагал ей упасть, довериться ему и отпустить себя. Этот выбор был самым важным в ее жизни. И сегодня она смогла принять решение и проститься. Сегодня Чарльза уже нет. И теперь она предлагала ему рискнуть и упасть. Она была готова к этому падению, она отпустила все возможные предрассудки по поводу того, как это произойдет, основанные на плоском опыте обычного человека, имеющего лишь комнату метр на метр из собственного сознания и разума. Разум, скованный страхами – это грязь, это побочный продукт нашего существования. А ведь зазеркалье так близко.

Она нащупала руку. Это была рука Чарльза. Сколько лет прошло? Сколько сил потеряно на поиски? Сколько километров вверх или вниз? Это не имело значения. Это не имело возможности исчисления. Не имело больше никаких объяснений. Не имело смысла. Только двое взявшись за руки. Или один.

ОБРЕТШИЕ ИСТИНУ

Тереза смеялась и красила губы.

– Как это произошло, родная?

– Как я смогла найти тебя?

– Как ты смогла вернуть меня?

– Я верила, что ты был прав.

Они шли, держась за руки. У них было столько упущенных моментов, столько пропасти расстелилось между ними, столько пустоты. Но им нечего было говорить друг другу. Они не нуждались в словах. Молчание было ни спасением, ни наказанием, молчание было само собой разумеющимся, вполне уместным и вероятным.

Глаза блестели чистотой. Сосед Терезы срезал цветы в саду, возле дома, он хотел их подарить своей Кларе. Так же как и до этого, рука об руку, они свернули за угол дома и шагали к автобусной остановке. Солнце было высоко. Уже садясь в автобус, Тереза увидела, как из дома вышел мальчик с веселыми глазенками и щенком с черно-белой мордочкой. Родители были вовсе ни при чем. Щенок не был их подарком бедному сынишке.

Проезжая мимо дома Терезы на автобусе, было видно лишь раскуроченные стены. Парадная дверь дома, как и фасадная стена, была вынесена. Из зияющей дыры посреди дома, сквозь обломки бетонных глыб и кусков арматуры, виднелись разбросанные вещи. Как будто огромный мощный шар-молот разворотил все, что попало на его пути. Возможно, газопровод? Но Тереза знала, что с котом все в порядке. Он уже свернулся клубочком у нее на руках.

ИМЯ

– Котенок, как тебя зовут?

Девочка опустила глаза. В выражении читалась печаль и стыд. Потом она всплеснула руками, кокетливо улыбнулась и подорвалась с кровати Чарльза, но остановилась в порыве убежать прочь.

– Ты не хочешь сказать мне? Или может быть есть другая причина?

Девочка прикусила губы. Тяжело вздохнула. Потом отошла на середину комнаты и демонстративно открыла рот, как будто собиралась прочесть заученный стих на утреннике. Но из ее уст полились невнятные звуки, похожие на мычание и заикание. Чарльз сначала смутился, но быстро пришел в обладание самим собой и заулыбался. Речь девочки была короткой.

– Мне сложно понять тебя.

Голубые глаза стали темнее и печальней. Девочка замолчала.

– Но это потому, что мы говорим на разных языках. Ты знаешь язык, который знают далеко не все. Поэтому они не понимают тебя. Я тоже. Но я бы хотел. Мы ведь с тобой друзья по несчастью. Так уж случилось. Ты в порядке?

Она кивнула.

– Но знаешь, на каком языке люди обязаны понимать друг друга? На языке чувств. Например, тебе плохо или страшно и ты плачешь. Даже если вдруг кто-то не знает твоего языка, он понимает твои эмоции, вызванные определенными переживаниями, и вот совсем не зная, что же тебе сказать, просто готов помочь. А когда тебе хорошо и весело, ты смеешься. Этот не ведающий кто-то просто видит твою улыбку и сам расцветает. Видишь, вовсе необязательно говорить что-то и передавать словами – тебя и так поймут, правда?

Девочке понравилась речь Чарльза. Хоть эти мысли и возникли у него в голове спонтанно, а после недавних происшествий, он плохо сосредотачивался на чем-то конкретном, тем не менее, девочка была довольна и благодарна за такую поддержку.

В комнату вошел врач. Поздоровавшись с Чарльзом, задав несколько вопросов о самочувствии и общем состоянии, услышав язвительные издевки Чарльза по поводу того, что постоянно чешется пятка, врач сделал вывод, что пациент уже почти здоров, раз у него хватает сил на юмор. А потом врач переключился на девочку.

– Это очень хорошо, что ты навещаешь своего спасителя. В том, что он так быстро поправляется, есть и твоя заслуга.

– Молодею и здоровею душой, – перебил его Чарльз.

Девочка подошла к врачу и уткнулась черной кудрявой макушкой ему в руки.

– К сожалению, мы не можем сузить поиски ее родителей. Наша принцесса не говорит ни слова, что очень замедляет процесс поисков, ведь мы даже не знаем, где и кого искать. Но мы стараемся, и нам повезет, – врач улыбался ей и гладил по голове, – мы расклеили ее фотографии по всей базе, а наши помощники, спасатели и волонтеры делают все возможное, чтобы доставить ее фото на другие возможные базы. Но мы даже не знаем, как зовут самую красивую девушку на свете...

Девочка хихикнула.

Чарльз смотрел, как они вдвоем выходят из его комнаты. Зрение не до конца вернулось к нему и далекие предметы сильно расплывались, но он видел, что его посетители уже поравнялись с дверным проемом.

– Тереза, – сказал Чарльз, и голос его дрогнул.

Девочка резко оглянулась. Она смотрела вопросительно. Но во взгляде читалось не возмущение, не сомнение, не замешательство. Во взгляде читалась досада. Досада от разоблаче-

ния. И единственный вопрос, который она хотела бы задать, как он догадался. Доктор остановился и переспросил.

– Док, ее зовут Тереза.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

– Вы что-то знаете о ней? Вы что-то вспомнили? О ее близких? Семье? Происхождении?
– А вы здесь кто? Вы надеетесь, что ее родители живы? Вы что, такие же слепые, как она немая? Я вытащил ее из-под размазанного, как коровье дерьмо, и втертого в асфальт, внедорожника. Зачем вы даете ей надежду? Зачем рассказываете о родителях? Расскажите лучше правду. Расскажите, откуда взялись эти люди, почему это произошло, и что они сделали с ее родителями и ее домом. И со всеми остальными тоже. Она должна знать правду и должна понимать все и сразу. Да, она ребенок, но вы же ее как будто на наркоте держите. Подпаиваете сладким морфием, только чтобы ее страхи и опасения не проснулись. Вы ее убиваете этим каждый день. Она ребенок, она потеряла родителей и она справиться с этим, благодаря вам и всем нам, но не будьте для нее лицемером и врагом, который заманивает в темный переулок конфетой.

– Да что Вы такое говорите? Мы искренне надеемся, что ее родители живы, просто потеряли ее...

– Скольких человек еще вы нашли, кроме нас?

– Нам очень повезло, что мы нашли вас. Мы все силы кладем на то, чтобы...

– Скольких? Скольких вытянули из заваленных домов, выпотрошенных машин? Скольких нашли просто так на улице, как нас? Живых?

– Кроме вас никого пока что.

– Пока что? Я здесь уже почти месяц. Вы за месяц больше никого не нашли.

– Мы очень стараемся и полагаем...

– Ее родители могут быть только на другой базе, но вы отправляли туда своих людей уже 4 раза, и никто не откликнулся. Они ведь, как и мы, ведут тщетные поиски и надеются. Но надежды нет. Это полный состав. Вы нашли нас на второй день. Но с тех пор прошел месяц. Вы травите себя ложью, своих людей и даже ребенка. Она ведь не виновата, что она ребенок. Не виновата, что вы ее жалеете. Не виновата, что по Вашим принципам и мнению, не может и не обязана знать правду?

– Чарльз, Вы просто в отчаянии. Но сейчас Вы, как взрослый человек, не можете себе это позволить. Ведь для нашей команды главное...

– Ваша команда не понимает, что для нее главное. И если бы понимали это массово, то не допустили бы такого положения вещей, как сейчас. Не было бы этой разрухи, этой войны не за что, а просто на поражение.

– У наших людей есть цели и четкий план действий, Вы можете ни о чем не переживать.

– Цель выжить? В тех условиях, которые имеем? Вы понимаете, о чем говорите? У нас ведь было все. Мы воевали не за цели, не за религию, не за власть и даже не за территорию. Идеальный мир, где все фальшиво притворяются, что счастливы. Каждое лицо, как глянцевая обложка. И вы хотите воспитывать детей и эту девочку тоже, по старым принципам. Врать детям. Давать им пилюли забвения. И покупать миллионы кукол, чтобы они не видели реальных вещей. Потому что Ваши родители поступали с Вами так же? Вы хотите отомстить за себя? Или Вы не умеете по-другому? Настал момент, когда пора забыть своих кукол и посмотреть правде в глаза. Мир рухнул. Теперь иные правила. Теперь мы имеем шанс начать жить иначе. И никогда не довести до такого же положения для наших будущих поколений.

– Чарльз, послушайте, я врач, я работал с детьми. Не стоит расшатывать девочке психику из-за Вашей личной обиды на всемирную несправедливость. Поберегите ее. Надеюсь на Ваше благоразумие.

Врач покинул помещение. Чарльз сидел в каталке возле своей кровати. Его съедало ежедневное одиночество. У него не было вещей, не было книг, не было ничего кроме своих мыс-

лей, которые хоть как-то могли скоротать его будни. Он чувствовал себя крысой в четырех стенках коробки в лаборатории. Его одиночество сводило его с ума. Он разговаривал только со своим врачом и то вынужденно. Хоть одиночество и томило его на медленном огне, выйти за пределы своей комнаты он не мог. Он мог толкнуть каталку за порог, он мог попросить врача сделать это. Но морально он был не готов встретиться с другим человеком. После произошедших событий с ним, он был сломан изнутри. Чарльз казался себе калекой, неполноценным надломленным уродом. Этот барьер он поставил себе сам, ему безумно не хотелось в таком амбула выступать перед публикой. Он был узнаваемым человеком, и это усугубляло ситуацию еще больше. Он понимал, что ноги не главное достоинство, а их отсутствие не порок. У большинства на их базе, да и вообще, было полнейшее отсутствие мозга, но они не комплексовали по этому поводу. Но все Чарльз был нарциссичным львом, и он не мог позволить в свою сторону осуждения, жалости или показаться обществу неполноценным. Иногда заходила Тереза – этот милый ребенок был единственной радостью в жизни. И жестокий врач запретил говорить ей правду о родителях, жизни и идиотах. Сердце болело от этих мыслей больше, чем от мыслей об оторванных ногах.

Как продолжать жить дальше? О каком новом начале, о каких новых стремлениях может идти речь? Как просыпаться каждое утро, и еще не открыв глаза, осознавать свою ничтожность в этом мире? Как заставить себя не свихнуться, оттолкнуться от своей беспомощности и продолжать? Видеть себя уродливым, видеть себя бесполезным, сталкиваться с сочувствующими взглядами пустых внутри людей, каждую минуту понимать, что жизнь окончена и сейчас начинается просто доживание. Детям закрывают глаза уже с рождения, взрослые слепые люди, называющие себя мудрыми и желающими добра, сами копают себе могилы. Отцы и матери осознанно и беспристрастно хоронят детей заживо, ведь их родители поступали с ними также. Созидатели и ученые хоронят свои творения, заливая их тонной спирта и сжигая, не дав появиться на свет. Художники и писатели больше не создают красоту и не стремятся развивать в своих произведениях стремление к прекрасным вещам. Лишь только втирать в головы обывателей свежо распечатанные пачки с мусором. Каждый человек заиклен на себе и отгораживается от всего мира бронированной маской, и этот наш замечательный прекрасный мир отвечает ему тем же.

Люди не поливают свои же газоны, они топчутся по ним, обиженно взмахивают руками и находят тысячи причин, по которым трава не зеленеет. Человеческий мир обнищал. И если все эти их самобытные лагеря и базы вымрут, от этого совсем не станет хуже.

СМЕРТЬ – ЭТО ВЕЛИЧАЙШАЯ ИЛЛЮЗИЯ

Чарльз не спал уже 4 ночи. Он даже не пытался лечь. Он думал о том, что очевидно сходит с ума все стремительнее. Навязчивость мыслей о суициде и о бесполезности жизни других людей, душила его. Он стал меньше общаться даже с врачом и Терезой. Он стал ненавидеть других людей за их слепоту, и это чувство росло с каждым часом. Он замыкался в себе, он не делился своими соображениями, ведь какая-то часть его еще имела связь с рассудком и осуждала его самого.

Чарльз закрывался в комнате изнутри, реагировал на стук одним словом «жив» и не хотел никого видеть. Врач несколько раз приходил с психиатром. Тереза несколько раз плакала под дверью. Через неделю врач пришел с намерением выносить дверь, ломать его личное пространство, отделять его от своего безумия. Эта идея Чарльзу не понравилась, он крепко подсел на свое сумасшествие и не хотел с ним расставаться. Более того, он боялся себя. Боялся, что может навредить Терезе, ведь она такой же биомусор, как и все остальные. Боялся, что может массово навредить людям, которые проживают на их базе. Он держал себя в клетке нарочно, потому что ненавидел и хотел уничтожить все, что ненавидит.

Он потихоньку отпускал внутреннего зверя, который заполнил все его ество. И эти монстры шевелились у него под кожей, растекались по венам и разносили злобу по всему телу. Он не хотел им больше противиться, он жаждал расплаты для всех. Для всех, кто привык ко лжи и боли, для всех, кто обрек целый вид живых существ на гибель. Люди были вырождены собственными благими намерениями, желанием личного комфорта и эгоистичными целями. Люди придумали оружие, деньги, аборт, коррупцию, религию. Люди сами записались в рабство, сами посадили королей на троны и богов на небо, но так и не научились ценить жизнь и так не узнали ее смысл. Каждый новый день – это рождение нового такого же пустого и слепого существа, которое пресыщает свои потребности, мусорит и умирает, занимая только 20 см места на тумбе родственников в вазе или клочок земли размером два на два метра.

Наша Земля – это уже кладбище, вне зависимости от того, мертвы мы или еще ходим по ней. И мы существуем в настоящем, но уже мертвы в будущем. Мы никогда не живем. Наша смерть бессмертна.

В голове Чарльза зрел план. План освобождения от этих оков. И для того, чтобы этот план воплотить, необходимо было незамедлительно среагировать на стук в дверь и угрозы взлома. Ведь если кто-либо заподозрит его в сумасшествии, он не сможет свободно и беспрепятственно проверить свое дело. Он поспешил к двери, врач вошел и огляделся.

– Почему Вы заперлись, Чарльз, и на целую неделю заставили нас волноваться? Вы в порядке? Вы обезвожены...

– Мне необходимо было побыть в полном одиночестве. Мне нужно было собрать мысли в кучу. Я всего лишь хотел обдумать многие, происходящие со мной вещи, дальнейшую жизнь и самостоятельно прийти к положительному исходу. Теперь я готов появиться среди людей, я знаю, чем хочу заниматься, и понимаю, что я действительно хочу жить, а не доживать и радоваться каждому моменту.

Чарльз широко улыбался. Он был прекрасным лгуном, ни фальшивый взгляд, ни отсутствие мелких морщин вокруг глаз, ни мимика, ни микровыражения, ни вегетативные признаки никогда не выдавали его.

Врач опешил.

– Чарльз, Вы нас очень напугали. Вам что-нибудь нужно прямо сейчас? Мне необходимо Вас осмотреть, чтобы определить Ваше состояние, и я настоятельно прошу Вас пообщаться с нашим психиатром. Такие действия выходят из ряда адекватных поступков. Вам необходимо доверять нам, мы желаем Вам только добра.

– Док, я кое- что действительно хочу прямо сейчас. У меня нет часов, а я хотел бы привести себя в порядок и отужинать сегодня вместе со всеми. Я хотел со всеми, наконец, познакомиться и мне не помешает сейчас компания. Вы не зайдете ко мне перед ужином для осмотра и нельзя ли перенести визит к психиатру на завтра? Ведь я просто не успею собраться.

Врач взглянул на него с недоверием, но согласился. Возле двери Чарльз окликнул его и спросил:

– Док, Вас не обидит моя просьба? Одолжите мне свои часы. Я совсем дезориентирован во времени... Всего на несколько дней, чтобы я мог влиться...

– Я могу Вам их подарить. Чтобы Вы никогда не выливались из времени...

Дверь захлопнулась и Чарльз, переведя дыхание, покатил каталку в сторону ванной комнаты.

ДЖЕКПОТ

На ужин всем подавалось одно и то же. Вязкая липкая безвкусная жижа, состоящая из каких-то отходов, небольшого вкрапления зерен, которые еще где-то остались на неразрушенных складах. В столовой собиралось много людей, которые за время пребывания Чарльза на базе уже успели сплотиться между собой и создать одну большую дружную семью. Все учтиво помогали друг другу, каждый мог играть роль и друга, и советчика, и критика, и просто жилетки для нервных срывов.

Пришедшие ужинать копошились возле стола, стульями служили большие бочки – их было мало, все бурно обсуждали какое-то грядущее событие. На лицах были улыбки и все стремились поддерживать хорошее настроение и здоровую обстановку. Но глазами Чарльза это выглядело, как огромный улей лицемерия. Каждый из этих людей прекрасно понимал свою участь и обреченность, но не показывал уныния и паники, дабы не подбивать на саботаж других. Улыбки выглядели, как будто их хозяева набили полный рот мыла, но все воспринимали это как норму и никто не показывал возмущения. Никто из ужинающих не показывал своих истинных мыслей и чувств, большая семья была фальшивой видимостью, миражем, который чем ближе, тем дальше.

На базе было много детей, которые потеряли родителей. Их сбивали кучами, и все взрослые стремились предоставить им себя полностью в качестве замены или компенсации. На базе были и старики, которые не могли выполнять какие-либо функции по жизнеподдержанию базы и были обузой, но никто не говорил им этого в лицо. Инвалиды, которых приветствовали, как героев, для поддержания боевого духа и веры в себя, но которые были лишними и только отнимали припасы, что могли бы быть распределены по молодым и здоровым людям, способным на выполнение любых обязанностей. Этот улей создавал видимость вежливых и высококультурных существ, которые организовано и ответственно заботятся о выживании своего вида. Но на самом деле, это были существа настолько невежественные и кощунственные, что Чарльз не мог заставить себя сделать шаг навстречу им даже ради великой благой цели. Они собирались строить новый мир, закладывая фундамент из лжи и желания не видеть происходящего. Они строили с закрытыми глазами и делали это осознанно и умышленно. Новый мир необходимо было строить по новым законам и канонам, ведь используя предыдущий опыт выживания, можно было уже прийти к выводу, что где-то в системе была погрешность. Но это никого не смущало, все шло своим чередом, и души людей опустошались так же быстро, как и их тарелки.

За этим было больно наблюдать, и это необходимо было прекратить в кратчайшие сроки. Чарльз практически начал превозносить на пьедестал значимость своей миссии. Только он мог бы послужить новым началом для этого мира. Он не казался себе монстром, напротив, он лишал себя жизни, ради светлого будущего. Идея полностью поглотила его и для ее воплощения ему нужны были союзники. Этими союзниками должны были стать люди, которые не вызывают подозрения и наивны до умиления. Чьи головы еще светлы и не затуманены предрассудками, чьи мысли еще никем не навязаны, чьи умы не одурманены другими идеями... На новом месте – на этой базе, необходимо было найти свою нишу, занять свое место, принося пользу обществу. Так вот с новой профессией и образом жизни Чарльз определился. У него уже был здесь один друг, который к нему привязан. Оставалось только изъяснить желание быть необходимым и полезным, проявить себя наилучшим образом и заполучить внимание и доверие таких же «друзей».

Чарльз подкатил коляску за стол к своему врачу. Тот с улыбкой поприветствовал его. Вокруг сидела еще дюжина людей, которых Чарльз не знал. Доктор с радостью представил им нового члена команды, но в эпитетах особо не расплылся и все карты не открывал. Начался

разговор о спасенной Чарльзом девочке. Все очень сочувственно и сопереживающе смотрели на несчастного, но героичного инвалида, Чарльзу становилось неловко от этого, но приходилось бороться со своим самобичеванием и брезгливостью. Теперь он такой, какой есть, и ничего не исправить. За исключением этого забитого в свои же клетки несчастного мира.

– Чарльз, вам необходимо поддерживать общение с этим ребенком. Он тоже многое пережил, остался без родителей, в очень жестких условиях для выживания. Это сложный переломный момент для детской психики. И по большому счету, Вам это дитя будет доверять больше всех на этой базе, – глаголил старик с пышными седыми усами. Он был достаточно известным и уважаемым человеком на этой базе – каждые три минуты с ним кто-то здоровался, о чем то спрашивал или советовался.

– Тереза. Ее зовут Тереза. Это девочка. И я хочу ей помогать и в дальнейшем. Мне необходимо прийти в себя, оправиться от травм и собственных психологических проблем, и я намерен помогать в ее воспитании. Так сложились обстоятельства, что этот ребенок мне был послан судьбой. Я не могу с уверенностью говорить, но вот уже длительное время нет вестей о судьбе моей семьи. У меня двое детей. Это большая трагедия для меня. Поэтому на данном этапе мне сильно необходимо компенсировать возможную утрату. Эта девочка стала для меня спасительным лучом света, ведь я сильно отчаялся и потерял смысл своей жизни... Как и я для нее, ведь родительская забота для ребенка самое важное.

– Чарльз, мы Вас понимаем, – врач продолжил за него, – сейчас Вы не слишком можете справляться с такой тяжелой ношей. Для начала Вам необходимо разобраться в себе, со своими внутренними демонами. А потом уже помогать другим и в особенности ребенку. Когда Вы начнете справляться, я позабочусь о том, чтобы Тереза была как можно ближе к Вам. Вы же не хотите принести ей ущерб сейчас?

Старик скривился.

– Доктор Эйм, Вы, безусловно, правы и я хотел бы добавить, что Терезе необходимо это сейчас, как и мистеру Уимберу. К сожалению, время имеет привычку затягивать раны, но оставлять грубые рубцы, которые не так то просто потом разгладить. Поэтому они вдвоем могут друг другу помочь – они друг другу сейчас нужны. Мистер Уимбер, Вам не представили меня достаточно полно, чтобы Вы могли иметь представление о том, насколько я компетентен в вопросах детей. На нашей базе мы впопыхах организовали школу-сад, чтобы не стопорить процесс обучения детей. Детей очень много, они разновозрастные, но требуют к себе должного внимания – это крайне важно. Я взял на себя обязанности основателя нашего пока еще не слишком масштабного заведения. Мы прилагаем все усилия для развития нашей стези. Людей, способных и желающих обучать детей крайне мало, поэтому мы с группой добровольцев работаем, как один за семерых. Люди неспешно примыкают к нам и не отказываются от помощи детям. Мне кажется, Ваш поступок спасения девочки и стремление помочь очень благородны. Возможно, Вы откажетесь, но я не могу не предложить Вам работать в своей команде. Даже если у Вас нет специального образования и соответствующего опыта, мы Вам предоставим все необходимое – помощь, литературу, мотивацию... Как Вы на это смотрите, Чарльз?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.